

Любовь тоскующая
(памяти Чехова + 2 Июля 1904 г.)
<фрагменты>

В те десять лет, которые прошли со смерти Чехова, он стал величиной академической, т. е. признанным и уже охладевшим в сердцах, данным лишь для сознания.

¹Я не знал лично Чехова, (я видел его случайно, мельком, один раз), но когда 2 Июля 1902 г., садясь в дачный вагон и открыв газеты я прочел, что Чехов умер, я закрылся газетой от незнакомой спутницы, сидевшей передо мной, чтоб скрыть от нее свои слезы.

И до того, и потом были и другие писательские смерти – но ни одна не была пережита так *лично*. И не только в моем отношении к Чехову – я видел и у других – было что-то личное, именно любовь к нему... Тоже отношение было когда-то к Надсону.

Они несравнимы по дарованию. Но причина² похожего отношения – та же.

У них не было литературной божественности – как клир и мир. Они не были заранее³ канонизированы, как мы делали это, окружив заслуженной славой – и в отношении Тургенева и Толстого. Как добиваются этого так часто сами писатели – славы при жизни. Той божественной, и какой-то транс<н>дентной холодной славы, которая ставит писателя, кажется, слишком высоко хоть низкого. Я не встречал ни разу и Л. Толстого, я не чувствовал никогда внутренней близости ни к его личности, ни к его идеям, но я часто с детства думал, что было бы, если бы я его увидел, что бы я сделал. И в детстве мне казалось, что стану перед ним на колени; потом я стал думать, что я поцеловал бы его руку.

За два года до смерти Чехова я жил в Крыму.⁴ Как-то раз – я ехал из Алушты в Ялту. Татарин остановил экипаж⁵ у водополя. Я глядел на море – направо от себя. Вдруг вижу, стоит – я сразу узнал: Чехов, в десяти шагах лицом ко мне. Высоки<й>, тонкий, худо<й> – и то глядя на меня, то на татар, поивших лошадей – водил⁶ тросточкой по дорожке – ⁷усталыми и⁸ очень покорными. Я смотрел на него как на брата, на отца, которого⁹ никогда не видел и вот увидел. Мне не хотелось ни подойти к нему, ни стать на колени, как я дума<л> в детстве о Толстом. Я бы, наверное, не поцеловал его руку.

¹ Первоначально было: Я помню, что Я

² Зачеркнуто: одинако

³ Вычеркнуто: причастны к лону

⁴ Далее вычеркнуто: около Алушты. Однажды проезжал из Алушты в Ялту

⁵ Вычеркнуто: лошадь

⁶ Вычеркнуто: чертил

⁷ Вычеркнуто: и скорее

⁸ Вычеркнуто: спокойными глазами

⁹ Вычеркнуто: сто лет

Но он был именно родн<ой>.¹⁰ Подать ему руку и только было бы мало. Я бы обнял его, позволил бы, если бы это было теперь. Тогда я был студент. Экипаж тронулся – я только оглянул<ся>, еще раз взглянул.

Если есть святая человечность, без идеального,¹¹ без¹² всего ложного – заключенных в ней: богочеловечеств, человекобогов, сверхчеловечеств, без прикрас и без <нрзб.>, то в Чехове была эта святая человечность. Незадолго до моей мимолетней встречи – с ним, одна девушка, тоже любившая его как родного, не зная его лично, и понимавшая его тогда глубже тогдашней, да и нынешней критики, остановилась перед витриной, где был его портрет и сказала: «у Чехова – такое лицо, какое должно быть у *всех*». Я вспомнил Тургеневского Христа. Обыкновенное¹³ простое лицо, како<е> у всех. И тогда и много раз потом дума<л> об этом.

Как относился Чехов к тому, что называют «вечными вопросами» – к религии, к богу, к морали, даже к политике? Это всегда оставалось чем-то загадочным. И при том его поэзия никому не казалась ни бездушной, ни бессодержательной, и не чувствовалось в ней – ничего похожего на пренебрежение к идеализму, к тому, что Михайловск<ий> называл, говоря о нем «линией вверх» – и думая, что у Чехова ее нет.

«Линия вверх», <нрзб.> по природе и по призванию, предел веры и формула трансцендентной мысли – для определений Чеховс<кой> безкрылости. Таким лишенным цели – казался его тоскующ<ий> лиризм, его тоскующее простое изображение жизни русских людей.

Почему же он тянул к себе, как родной? Значит тянул – вниз? В пустоту, в ничто?

И в то же время лицо, «какое должно быть у всех».

<В повести «Случай из жизни»> одна из недоумевающих русских девушек обращается к старику ученому – и спрашивает ответы на «вопросы жизни»: зачем и для чего? Стариковский ответ: «не знаю, по совести, не знаю...» – был давно уже принят за собственный ответ Чехова. Стариковские ответы – спрашивающей молодости.

¹⁴Стареющая невежественная критика, в свое время, не понимавшая ни одного из великих предшественников Чехова – требовала от него «идеалов». Чехов – тосковал и метался:

«Вот умрешь, – говорит писатель в Чехове, как будут поминать самого Чехова, и скажут, – да хорошо, хорошо, а все-таки не то, что Тургенев».

¹⁰ Вычеркнуто: близок, ближе

¹¹ Вычеркнуто: без прикрас

¹² Далее вычеркнуто: преувеличений

¹³ Вычеркнуто: русское

¹⁴ Вычеркнуто: Критика требовала служить.

И, действительно, все сравнивали с Тургеневым, Тургеневым, как его публицистически поняли в старину.

И поэт, бессознательный в своей поэтической мудрости, может быть и сам кротко думал, что Тургенев куда глубже его, значительнее.

Теперь он принят? Он умер и на его могиле не говорят, что он не то, что Тургенев. Не потому, что Тургенев стал забываться, потому что до Тургенева мало кому теперь дело.

Мало дела станет и до Чехова, потому что не знают еще ни Тургенева, ни Чехова.

Кого мы, в сущности, знаем? Я думаю, что еще никого. Что мы слишком по-домашнему относимс<я> ко всем, и смотрим уж привычно на прелесть поэзии послепушкинской литературы – не сознали ее смысла.

Тургенев и Чехов не случайное союзничество. Между ними есть общее. Недаром, думая о Чехове, можно было, вспомни<ть> Тургеневского Христа. И в Тургеневе было тоже Чеховск<ая> стихия – еще Пушкинская. Все остальные из наших литераторов связаны, не с Пушкиным, а с Гоголем, с Лермонтовым, с Белинским.

Вс<е> они были моральны, религиозны, общественны (что в существе своем – в глубине своей одно и тоже). Пушкин был просто человечен, грешен. Его гениальность была так оглушительна, что, называя его грешником, нельзя не прибавлять гениальный грешник, гениальная человечность.

Гоголь был великий моралист, Белинский также и притом общественно. А поэзия Лермонтова была до того – вся внутри мистична – что его не назовешь мистическим существом. От него Достоевский и может быть, Толстой – как от Гоголя и Белинского, все остальные у нас. Но ни Тургенев, ни Чехов. Они от Пушкина. От его¹⁵ человечности. Тургенев – искусственное, литературное, может потому – собственно: неискреннее. Чехов – сама простота, искренность, человечность. «Лицо какое должно быть у всех людей».

Никто не спорит, что в Гоголе, Толстом, Достоев<ком> – сказалась жалость к людям. В этом отношении их славили – и сентиментальные в своей жалости французы. Говорилось ли о любви у Тургенева? Его называли знатоком женского сердца, поэтом влюбленных героинь.

Мы все думаем, что любовь к людям – это жалость. «Я брат – твой!» «Униженные и оскорбленные», «Белые ночи» и «Власть тьмы».

В Пушкин<ском> «Памятнике» мы читаем гордые слова, перед которыми останавливаемся.¹⁶

Малость к павшим призывал

Где? Разве это автор «Шинели» или «Преступления и наказания»?

¹⁵ Вычеркнуто: стихийной

¹⁶ Далее вычеркнуто: И долго буду тем любезен я народу / Что / Чу. . . .

Но грешная человечность в отношении к самому себе (в чем так часто упрекал Соловьев Пушкина) заключала в себе часто величье прощенья других. Прощенная Христом грешница не могла не прощать других.

Пушкин не был религиозн<ый> ум, но его поэзия – есть поэзия любви к людям.

Толстой меньше любви любил людей. Как то не удивительно сказать <и> о Достоевс<ком>, не говоря уже о Гоголе.

Умира<я> Тургенев, сказал то, что от него меньше всего могла ожидать его критика: «любите людей так, как я их любил».

Он любил их, не будучи ни человеком религиозным, ни моралистом, и может быть, посредственным общественником. Просто *жалел*. Не со страстью, не снисходя, а приемля в их человечности.

Еще более жалел и принимал, не только не снисходя, но и не входя, потому что сам был среди них один из них – Чехов.

Потому у него и было такое лицо, а не у самого Тургенева, как думал Мережковский.

Такое обыкновенное. Не лик, не величав<ый> портрет, всегда немного декоративный, у стольких великих писателей. А такое как у всех, похожее на все веловеч<еские> лица. И если люди должны любить людей, то такое, какое *должно быть* у всех. И в этом смысл всей и прелесть его поэзии.

О Пушкине было сказано: сверх меры именно в смысле обожествления его гения; о Тургеневе и о Чехове этого не скажешь.¹⁷ Они с ним несравнимы, но встают друг из друга; у Тургенева больше эпоса, у Чехова – лирики. Сущность же одна. Внимание к человеческому: не потому, что религиозно, нравственно, общественно, философично, интересно (это все для ума, для сознан<ия>) – потому что это жизнь человеческая.¹⁸

В «Моей жизни» Чехова есть удивительне<е> место, когда герой повеса, взглянув на¹⁹ входящую девушку <нрзб.> говорит, что он вдруг понял, что ей нужно только одно самое простое, самое обыкновенное земное счастье. Больше ничего. И никакого осужден<ия>. Ни идеалов, ни веры, никакой устремленности, быть любимой, любить, иметь дитя от того, кого любишь, этим жива обывательщина. Именно это слово в особенности связалось с именем Чехова.

¹⁷ Далее вычеркнуто: Друг другу они равны дарованием.

¹⁸ Далее вычеркнуто: Люби своего ближнего как себя. Вот что и значит любить именно ближнего.

¹⁹ Вычеркнуто: берем.

И Чехов ничего не отвергал, он принимал человеческое и все устремленности, поэтому в общественном смысле – в его поэзии нет реакции. Но нет и революции, потому что он слишком любил человеческое. <Нрзб.> – это вне сомнения, как и у Пушкина, и у Тургенева. Не мистическ<ое>, как у Лермонтова, не философск<ое> как у Достоевск<ого>, не религиоз<но>-обществ<енное> как у Толстого.

Смотрю в человека – вижу в нем человека и говорю с человеком. Здесь нет понижения, но нет и возвышения. Здесь человечность в любви прощающей. А дальше? «Не знаю, Катя, по совести: не знаю»...

Но то не благодарная удовлетворенность, как у Ренана; а грусть бесконечная. Это тоже Ренановск<ое> великое может быть. Да, бесконечные неразрешенные недоумения – его скепсис и <нрзб.>.

Поэтому и лицо Чехова похожее на всех людей, лицо Христа Ренановского. Как и в Тургеневском утверждении. Потому что у Христа было и другое лицо: то, которое видели ученики в преображении, и не смели рассказать никому, пока оно было – до воскресения, видели и в вечере его, и в вознесении, не просто человеческое, не похожее на всех. Это лицо Чехова не знали, как вообще не знают <нрзб.>. Настоящего же Христа не знали ни Пушкин, ни Тургенев.

Чехов любил людей, как они; любил как они природу. Но с Христом всех трех слит органически Дьявол, у сих, у трех. Это лучик психологизма в русской литературе <нрзб.>.

И оттого-то писатели, в которых глубже залегла любовь к людям – писатели страдающие. Человеческое всеми ими принималось – как природа, во всем проникновении в нее, но только по природе Чехов последователен во всех отношениях из трех и потому самый тоскующий.

Пушкин, решая религиозные вопросы, был артистом <нрзб.>. Чехов последовательно аморален. <нрзб.> Тургенев всю жизнь беспомощно тянулся к мистицизму <нрзб.>

Чехов оставался <нрзб.> с кроткой грустью человека, который знает только то, что ему дано любить людей и природу; потому он и любит людей, что он любит природу, потому – уже, любит природу, что для него люди и природа были одно.

Пушкин где-то говорил о простодушии гения, и он был простодушен, как гений, но именно как гений. Величав^{<ый>} и велико одарен^{<ый>} Тургенев, будучи ребенком душой, стеснялся своего младенческого сознания, хотел перерасти его. <Нрзб.>

Чехов – не стеснялся своего смирения перед природой и человеческой жизнью.

И потому Пушкин божественный, Тургенев – полубожественный <нрзб.> <Чехов> был поэтом великой грусти.

Его грусть заключалась в самой его любви к людям. В этом была его мудрость. <Нрзб.> Отнимите от его грусти любовь и это уже не Чехов, отнимите от этой любви – грусть и это то же не Чехов.

<Фрагмент текста на отдельном листе, без начала>

...чем, например, у Гамсуна.²⁰ Это крайняя противоположность не только всякому ибсенизму, но и всякому нищезанятию.²¹ Он не развешивал²² и не искал героизма в малом, как Толстой.²³ В нем самом поразительно не было никакой позы, никакой возможности притворства – позы тщеславия. В страстях он не желал ничего трагического.²⁴ Чувственность у него всегда прозрачна и часто²⁵ лишь случайна.

Пушкин и Тургенев начали с романтизма, Тургенев в нем навсегда и остался. Чехов сам был только реалистом.

²⁰ Вычеркнуто: (В «Ведьме», в «Агафье»).

²¹ Далее вычеркнуто: В нем самом поразительно не было никакой позы, никакого притворства. – Как будто не нужно было.

²² Вычеркнуто: героического как Толстой,

²³ Далее вычеркнуто: И никогда не изображал ничего как трагическое.

²⁴ Далее вычеркнуто: И такой же язык и стиль – не идеализированный и не ... Он не отвергал

²⁵ Вычеркнуто: гибель...